УДК 677.024(470.54)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО БАШКИРСКОГО БЕЗВОРСОВОГО КОВРОТКАЧЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

©**А. Г. Янбухтина**

Revival of Traditional Bashkir Napless Carpet Weaving in the Post-Soviet Time

A. G. Yanbukhtina

Безворсовый домотканый ковер (палас) – традиционный предмет в убранстве башкирского дома. С исторически давних времен узороторчество в ковроделии составляет наиболее устойчивую и развитую область в системе домашних ремесел башкир. Ковроткачество, заметно угасшее в советское время, когда работали лишь единицы мастеров в отдаленных селениях на востоке республики, сегодня, в постсоветские десятилетия, в народе происходит активное возвращение к традиционному искусству ковроделия, его подлинное возрождение.

Ключевые слова: *башкирские ковровщицы; домашние ремесла; традиционное убранство и организация башкирского крестьянского дома; орнаментально-художественные традиции и современность.*

Napless homespun carpet is a traditional item in the decoration of the Bashkir home. Since ancient times, historically ornament creation in carpet making is the most stable and developed part in the system of home crafts of Bashkirs. Carpet weaving noticeably extinct during the Soviet era , when only few of artists working in remote villages in the east of the country , today , in the post-Soviet decade , the people have an active return to the traditional art of carpet weaving , his genuine revival.

Key words: *carpet-Bashkir, home crafts, traditional decoration and organization of the Bashkir peasant house; ornamental and artistic traditions and modernity.*

Безворсовый домотканый ковер (карпет, палас, кэлям) – традиционный предмет в убранстве башкирского дома. С исторически давних времен узороторчество в ковроделии составляет наиболее устойчивую и развитую область в системе домашних ремесел башкир, активно развиваясь и в настоящее время. В восточной части горно-лесной Башкирии, от лесных северных и до южных степных окраин, разведение овец и коз, стрижка шерсти, ее обработка, прядение, крашение пряжи в домашних условиях, тканье паласов на самодельных деревянных станках, а также прядения ниток для ручного вязания обширного ассортимента носимых изделий, стало в последние десятилетия, особенно в постсоветский период, самой развитой областью народного творчества.

В степной Башкирии, в приграничье с Оренбуржьем, в прошлом ткали паласы из некрашеной пряжи, естественной, природной окраски: белой, черной, серой, коричневой. Эстетика таких паласов характеризуется сдержанностью, исключительным благородством, природной гармонией колористического строя, составляя выразительный художественный контраст коврам, сотканным из пряжи, окрашенной растительными, органическими красителями, тем более – анилиновыми.

Ковры, выполненные из пряжи, окрашенной анилиновыми красками, отличаются насыщенной яркостью, даже некоторой дерзостью цветового, следовательно, и декоративного решения изделия. Анилиновая гамма стала характерной, определяющей

©**Альмира Гайнулловна Янбухтина,** доктор искусствоведения, профессор **(**Уфимский государственный университет экономики и сервиса (Уфа, Башкортостан, Россия);
e-mail:yanbuhtina@gmail.com

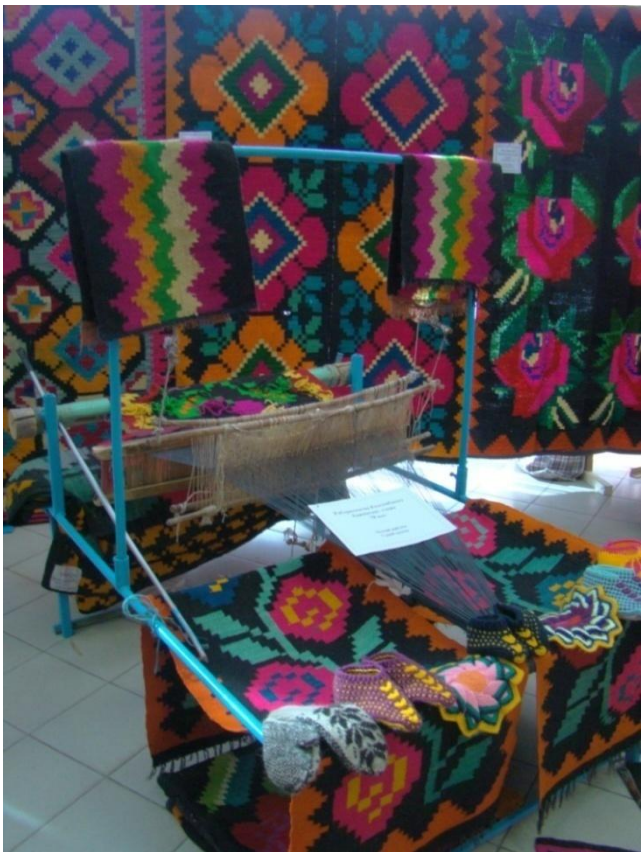
традиционного башкирского ковроткачества, создаваемого современными сельскими мастерицами. Крашение пряжи синтетическими красителями вошло в практику еще на рубеже XIX – XX веков, с появлением в продаже красок фабричного изготовления. В среде профессионалов анилиновые краски считаются резкими, «дикими», неуправляемыми в работе. Но опытные башкирские мастера – ковровщицы, как и Полхов-Майданские игрушечники на Волге, в росписи по дереву успешно применяют анилиновые краски, обращаясь к методу цветового контраста. Сначала узор по деревянной поверхности энергично прорисовывают живым черным контуром, затем оконтуренный рисунок закрашивают, заполняют цветом. Игрушка получается расцвеченной сочной и звонкой росписью. В композиции же ковра цветущий узор располагают на глубоком темном, чаще черном фоне, который своей силой и строгостью сдерживает, организует цветовую энергию излишне яркого анилина. В других случаях орнаментальную структуру ковра мастер как бы «очерчивает», ограничивает, обрамляет выразительным черным контуром, добиваясь, таким образом, организованности цветового решения в художественном пространстве ковра. В результате от силы цветовой насыщенности ковра исходит ощущение стихии, возникает взрыв цветовой энергии – безудержного языческого праздника. «Красными цветами *вопит* твой ковер, / о том, что я был здесь ночью – вор, / о том, что унес я твое тепло, / как меня дорогая в дороге жгло/…» – так метафорично когда-то признался поэт, в воображении которого ярко цветущий ковер горит, волнует, возбуждает и *даже «вопит»*[1] (П. Васильев).

В 2010 году в самом развитом центре традиционного башкирского ковроткачества Альшеевском районе республики, в поселке Раевка проходил Республиканский фестиваль «Башкирский ковер» (инициатор и организатор фестиваля К.Ш. Кайдалова, директор Художественной галереи народного творчества в Уфе). На фестиваль съехались ковровщицы из многих районов республики и привезли на выставку свои лучшие паласы.

Башкирский палас, его орнаментально – художественная стилистика сформировались в историческом прошлом в русле национальных художественных традиций номадов, исходя из характера и обычаев полукочевого образа жизни народа, перешедшего впоследствии, к XIX столетию к оседлости [2]. А в северных, земледельческих районах процесс оседания начался значительно раньше. Возможно, они даже изначально были земледельцами. В X –XII вв. башкиры приняли Ислам. Но живущие в глубинных, отдаленных горно-лесных и степных селениях, долго сохраняли черты родо-племенных отношений и, соответственно, следы и признаки языческой культуры, в основе своей орнаментальной, на протяжении веков переплетаясь с мусульманскими традициями. Вплоть до советского времени в этих селениях сохранялась, в теплое время года, от весны до осени, кочевая жизнь в войлочных юртах, когда башкиры могли блаженно прибывать в единении с родной природой, растворяясь в ней. Вольная жизнь в своей ландшафтной среде, щедро кормившей народ природными богатствами – традиционно пастушеская жизнь навсегда и прочно сохранилась в памяти народа. Через легенды, предания, эпос, устно – поэтический, музыкальный и пластический фольклор жизнь на воле составляет основу, стержень традиционной национальной культуры народа. В старинной башкирской песне так и поется: «Долины Урала так прекрасны, чтобы кочевать там в белых юртах».

[1] П. Васильев. Стихотворения // Литературная Россия. 1968 от 12 января, № 3 (263). С. 14.

Ил. 1-2. Традиционное ковроткачество Башкортостана, Альшеевский район, поселок Раевка, 2010.

Значительная часть предметов в убранстве кочевого жилища, впоследствии перешедших в оседлое, связана с узорным ткачеством и вышивкой – царством геометрических узоров. В закладной, выборной техниках ткали большие красные узорные занавеси – *шаршау* для разделения интерьера жилища на мужскую, гостевую и женскую половины. По художественному решению к ним близки домотканые скатерти, красные, желтые или оранжевые, расцвеченные узорами, и в едином стиле с ними – ритуально-обрядовые полотенца, концы которых традиционно оформлены геометрическими узорами. В них заметно преобладает мотив ромба с его многочисленными вариациями. В прошлом этот знак, вероятно, имел магико-религиозное, может быть, даже заклинательное значение. Точно такие же мотивы ромба, отлитые из меди и бронзы, во множестве имеются в археологических материалах эпохи бонзы [1, с. 9].

Безворсовые ковры – паласы с ромбическими узорами в различной вариативности являются самыми крупными, значительными декоративными формами в многоцветной текстильной стихии убранства башкирского дома. В прошлом – в переносном кочевом жилище, ныне в сельских, деревенских домах, где опыт ковроткачества продолжает развиваться, сохраняется и традиционное отношение к домотканному ковру. Небольшой по размеру коврик с обратной стороны часто подбивается войлоком, он удобен для возлежания, сидения на природе, на траве во время народных праздников. Любовь к такой ковров-войлочной подстилке подчеркнуто сохраняется до сих пор. Войлочные, текстильные предметы с традиционной вышивкой, узорные паласы играли в прошлом в организации пространства жилища доминирующую декоративную роль, тесно связанную с ритуально-обрядовыми функциями. Геометрия узоров в паласах даже с цветочно-растительными мотивами, их ритмичность, строгая композиционная выстроенность в пространстве ковра, создают ощущение его масштабности, значительности, как и самого, хотя и небольшого, жизненного пространства в крестьянском доме. Вышитые, тканые предметы, узорные войлоки, в том числе паласы подчеркивают вертикальные, но более всего горизонтальные членения в тектонике интерьера жилища, ее выразительность в архитектурном пространства деревенского дома. Тем самым создается впечатление устойчивости, прочности и самого дома, и традиционного семейного, жизненного уклада, в прошлом номадов, преобразованного в последние полтора – два столетия, в оседлость [4, с.136].

Башкирские ковровщицы, работающие теперь в условиях современности, продолжают сохранять, развивать, передавать традиционный опыт домашнего ковроделия другим, как характерное художественное ремесло в многовековой культуре народа. В советское время они работали полулегально, так как местные органы власти негативно относились к индивидуальной деятельности народных мастеров. Теперь, в постсоветское время их труд законодательно закреплен, мастера обрели независимость в своей деятельности, проявляя еще большую творческую активность, впервые, за многие годы, испытывая радость свободного труда, его востребованность в условиях современной жизни. Новый закон дал толчок развитию традиционных домашних ремесел: ковроделию, кошмовалянию, пухозязанию. Некогда сильно угасшие, они, с постсоветского времени, постепенно восстанавливаются, возвращаются к жизни. Ныне в коллективном творчестве народов, живущих на Южном Урале, развитие домашние ремесла составляет живой, творческий процесс. Добротно выполненные, практичные и одновременно художественные изделия, они нередко являются произведениями искусства. Потому изделия народного мастера – лучший подарок, памятная вещь, сувенир и одновременно практически нужная вещь в быту. Простые, неприхотливые предметы народного искусства несут в себе черты родной природы, местной традиционной культуры, формировавшейся веками [3, с. 25].

Устойчивость интереса башкирских мастериц к ковроткачеству объясняется несколькими факторами. Прежде всего, прочной укорененностью домотканого ковра в традициях национального убранства дома. Дорогие ворсовые ковры в прошлом привозили

из Средней Азии, Кавказа, из арабских стан ближнего Востока. Они были редкостью, доступной только состоятельным и богатым лицам. Потому в народе издавна сами ткали гладкошерстные ковры как необходимый предмет в быту, в организации и убранства дома. Ковры, изготовленные из собственного сырья, своими руками, с любовью в собственных национальных традициях, в них проявлялось личное творческое отношение народа к созданию ковровых изделий, которые будут украшать собственный дом, жилище родных и близких.

С упрочением окончательного перехода к оседлости (с XIX века) в обустройстве башкирского дома появился род крестьянской встроенной мебели – широкий деревянный помост (урын, урындык), который врезался в стены передней части, занимая пол дома, располагаясь вдоль окон, чуть пониже них подоконников. (Такой помост бытовал раньше, например, в турецких, болгарских домах). Просторный, в половину избы, его покрывали кошмами, поверх – нарядными паласами, особенно к приходу гостей. Мягкие, шерстяные, нарядные, с выразительной текстильной фактурой, они придавали дому уют, ощущение комфорта. Здесь располагалась наиболее уютная и нарядная, гостеприимная часть башкирского и татарского дома.

В мягком коврово-войлочном пространстве деревенской избы протекала вся жизнь домочадцев: здесь молились, отдыхали, на ночь укладывались спать, расстелив скатерть и водрузив самовар, обедали, принимали гостей, разложив каждому нарядные подушки, мягкие подстилки. В другое время здесь находились и играли маленькие дети. Старым, пожилым людям и детям здесь хорошо было посидеть, неспешно разглядывая за окном, происходившее на улице. В этом уютном пространстве зарождалась, начиналась и продолжалась жизнь. Девочке на наречение имени могли подарить по традиции небольшой, нарядный палас или узорное полотенце. Отсюда же усопшего, обернутого в саван, покрыв его традиционным ковром, провожали в последний путь. Затем, ковер, чаще всего, оставляли в мечети как жертвоприношение, где все пространство пола покрывается коврами и паласами, поскольку моление правоверными совершается в коленопреклонении[2] . Мягкий, шерстяной, щедро и энергично орнаментированный ковер служит в интерьере традиционного крестьянского дома, в молельном храме утилитарно-практическим, а также ритуально-эстетическим целям, являясь, таким образом, предметом многофункциональным. Орнаментально-символический язык композиции молитвенного ковра – намазлык имеет коранически строго канонизированную традиционную форму, символизируя образ самой мечети. Своими орнаментально символическими, соответственно декоративно-художественными свойствами ковер преображал строгое и аскетическое пространство деревенского дома в пространство эстетическое. И за последние десятилетия ассортимент башкирских гладкошерстных ковровых изделий заметно расширился. Практически почти все горизонтальные

[2] В решение надгробия выдающегося танцора и хореографа Рудольфа Нуреева (он родом из Уфы) положена идея восточного ковра, сказочно, роскошно раскинутого на саркофаге (кладбище Сен Женевьев де буа под Парижем). Образ увековечен в памятнике в традиционном духе для культуры народов Востока: ковровый покров, таинственно накинутый на саркофаг, искусно расцвечен арабеском узоров, создавая ощущение живого шелковистого ковра (выполнено прочно, в технике классической мозаики цветными смальтами). Надгробие Рудика, (так многие, любя, привычно называли его), по композиции, с мотивом плоскостного коврового пространства, решено горизонтально и воспринимается в сильном контрасте с надгробиями соседних могил – с четкой ритмикой вертикалей беломраморных крестов. В восприятии невольно возникает их сопоставление, так ясно прочитываясь в пространстве кладбищенского пейзажа: извечное противостояние в судьбе человека горнего и дольнего, завершаясь, с его кончиной, дольним, как это пластически выражено в надгробии Нуреева. Хороший ковер – произведение искусства, и ему под силу символическое воплощение сложных философских смыслов и идей, предначертанных и случившихся в человеческой жизни. Древние мудрецы прочитывали узор ковра как текст.

поверхности в доме покрываются не только традиционными паласами, но и ковровыми изделиями небольших размеров. По традиции все на чем сидят, отдыхают должно быть мягким, уютным, нарядным.

Традиционный ковер ручной работы, добротно, мастерски выполненный – произведение искусства. Он востребован и в сельском доме, и в городской квартире. Жители молодых башкирских городов, возникших во второй половине XX века, являются выходцами из сел и деревень. В своем подсознании они в той или степени – носители традиционной культуры своего народа. Под влиянием городской культуры со всеми ее техническими и технологическими новшествами, под воздействием городской квартиры, которая воспринимается многими как мода, многое из традиционно – национальной культуры исчезает. Например, широкий деревянный помост – *урындык* почти исчез из деревенского дома. Его сменили кровати, диваны, стулья и кресла. Размеры, пропорции ковра, по отношению к мебели, изменились. Они стали прикроватными, а также накидками для тахты и дивана, на кресла и маленькими ковриками для стульев и табуреток. Традиционные ковровые изделия, возникшие некогда в недрах кочевой культуры, приспособились, адаптировались к средовому пространству деревенского дома, который за последние десять лет, преображается в дом в несколько комнат, близкий к городскому типу.

Иногда в одной из них сохраняют привычное традиционное убранство, пробуждая в культурной памяти добрые чувства к далекому прошлому – мир, в котором проходили лучшие годы жизни – детство. Эту часть дома так и называют, как раньше, «кунак ой» – гостевой дом. В нем сохраняется, врубленный в стены просторный помост – урын, урындык, традиционно застланный кошмами, войлоками, нарядными паласами, убранный цветастыми стегаными одеялами, тюфяками, пышными подушками [3, с. 125]. В единстве силы декоративного звучания всех этих вещей возникает ощущение удобства, уюта, комфорта в традиционном башкирском доме, соответствуя национальному духу в понимании образа жизни народа. Потребность в художественных изделиях народных мастеров для собственных же нужд в повседневном укладе жизни составляет движущую силу в развитии народных ремесел. Этот живой художественный процесс эволюционирует, естественно включая, вбирая в себя социально – эстетические, нравственные, воспитательно-педагогические аспекты жизни, например, в деле преемственности традиций, составляя, таким образом, самые существенные фактор в развитии традиционных домашних ремесел в селениях республики и на современном этапе. Так характерные башкирские ковры и другие текстильные изделия работы сельских мастериц продолжают полноценно жить и развиваться в народном быту, сохраняя исконно историческую, художественную традицию в условиях активной урбанизации и глобализации в развивающемся мире.

Список литературы

1. Ахмеров, Р. Б. Об истоках декоративно-прикладного искусства башкир. – Уфа, 1996. – 60 с.

2. Шитова, С. Н. Войлоки, ковры и ткани у южных башкир. – Уфа, 2006. – С. 85–115.

3. Янбухтина, А. Г. Декоративное искусство Башкортостана. XX век: От тамги до авангарда. – Уфа: Китап, 2006. – 220 с. ил.

4. Янбухтина, А. Г. Теургия (шаманизм) – языческий архетип в духовной традиции башкир. Свойства его проявления в семантике современного искусства // Дизайн. Искусство. Промышленность: Международный сборник научных трудов. Выпуск I. / отв. ред. к. ист.н. Н. М. Шабалина. – Челябинск, 2012. – 184 с.

References

1. Ahmerov, R. B. *Ob istokah dekorativno-prikladnogo iskusstva bashkir*. [About the origins of arts and crafts Bashkirs]. Ufa: Kitap, 1996, 60 p.

2. Shitova, S. N. Vojloki, kovry i tkani u juzhnyh bashkir. [Felts, carpets and fabrics in southern Bashkirs]. Ufa, 2006, 85–115 pp.

3. Yanbukhtina, A. G. *Dekorativnoe iskusstvo Bashkortostana. XX vek: Ot tamgi do avangarda.* [Decorative Arts of Bashkortostan. XX Century: From Tamgas to Avanguard]. Ufa: Kitap, 2006, 220 p.

4. Yanbukhtina, A. G. Teurgija (shamanizm) – jazycheskij arhetip v duhovnoj tradicii bashkir. Svojstva ego projavlenija v semantike sovremennogo iskusstva [Theurgy (shamanism) is a Pagan Archetype in the Spiritual Tradition of Bashkirs. Properties of its Manifestations in Semantics of Contemporary Art]. Dizajn. Iskusstvo. Promyshlennost'. *Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov.* Vypusk I, otvetstvennyj redaktor k.ist.n. N.M. Shabalina [Design. Art. Industry. The International collection of scientific papers. Issue I. Executive Editor Ph.D. N.M. Shabalina], Chelyabinsk, 2012, Issue. 1, p. 184.